

До 22 июня 2008 года я больше слышал о Евгении Анатольевиче Расторгуеве, как об уникальном, самобытнейшем художнике, чем действительно видел его работы. И потому посмотреть их, что называется, «вживую» мне всегда очень хотелось. Однажды это давнее желание, наконец, исполнилось. Привёл меня в квартиру к художнику, который жил в Москве на улице Верхняя Масловка, издатель двух его поэтических сборников священник Владимир Чугунов. Поначалу, в неспешном разговоре знакомясь друг с другом, мы сидели в кабинете у Евгения Анатольевича, где рабочий стол оказался заваленным книгами и рукописями. Обменялись мнениями о литературе, политике, говорили о живописи.

Я подарил хозяину свою книгу «Сопротивление нелюбви».

Расторгуев был доброжелателен, искренне расположен к общению со своими гостями. Говорил много и охотно – вспоминал прошлое, делился впечатлениями от посещения какой-то художественной выставки, читал новые, недавно написанные стихи. Вернее, это были некие тексты, которые назвать стихами можно было только с известной натяжкой. Но на странице они располагались столбиком и таили в себе определённый скрытый внутренний ритм. Вернее всего, это были таким способом в некоторой степени «зарифмованные» размышления художника о жизни, об искусстве, о пройденном пути, срок которого вплотную приблизился к девяностолетию. Но мысли в стихах оказались яркими, энергичными, как бы обрамлёнными эмоционально.

Вот это сочетание мысли и чувства и составляло основу, я думаю, что подённых, буквально дневниковых записей Расторгуева. Надо сказать, что писал эти тексты художник в немалом количестве, используя в качестве записных книжек толстые макеты книг (внутри под обложкой была сброшюрована чистая белая бумага) издательства «Молодая гвардия» серии ЖЗЛ. В тот день нашего знакомства Евгений Анатольевич подарил мне на память две книжки с такими записями, проиллюстрированные его рисунками. Для примера и наглядности своих впечатлений приведу здесь некоторые тексты из этих сборников.

*Прошедшее
на тройке бешеной
перед глазами пролетело,
бросая
пылью снежной мне
в лицо...*

Что было – растворилось
в розовом тумане...
И кони пронеслись...
И колею засыпал
свежий снег...
Мне говорят: «На будущее уповай!
Смотри
в рассвет начавшегося дня...»
А я в метель
на Чёрной речке
иду под пулю.
Подставляю душу ветру...
А прошлое?
Конём гривастым
копытит синий снег...

Или вот другая запись, посвящённая воспоминаниям войны. Ради экономии места я дам её в строчку. Глядя на предыдущий текст, читатель без труда воспримет, ощутит и её неповторимый ритм, и зрительный художественный ряд окружающего героя пространства:

Мы заняли какой-то городок/ (войди в былую дверь воспоминаний/
пойди проверь, что это был за городок!)/ Я поселился на пустой квар-
тире.../ Был пол усыпан гильзами от автоматов./ Валялась каска и
мундир немецкий./ Балкон разбит,/ но был камин.../ И мебель, чтоб
топить камин, была/ откуда-то/ мышонок появился.../ Он крохот-
ный и несмышлёный был,/ и, головой крутя,/ смотрел и любовался/ на
меня,/ а иногда/ мне на сапог/ бесстрашно залезал, и я его качал.../ И в
дружбе жили мы – / солдат/ и крохотный мышонок./ И мама, верно, у
него была,/ но никогда никто/ не появлялся.../ И я его чем мог кормил./
Но вот в один из вечеров/ я хлеб оставил на столе,/ прикрыв клочком
газеты,/ и этот хулиган/ в нём дырку провернул.../ Не съел – испор-
тил хлеб.../ Не чувствуя вины, он пуговками глаз/ смотрел/ и улыбал-
ся,/ и требовал,/ чтоб я его на сапоге качал.../ Я был предельно зол.../
Он заметался/ и в угол бросился.../ В углу на лапки задние/ он встал/
по стойке «смирно»,/ передними прикрыл глаза.../ И жалко стало мне,/
я сапогом швырнул его,/ и большие – он ко мне/ не возвращался...

А потом, после недолгой трапезы, мы на лифте поднялись на верх-
ний этаж дома, в мастерскую, и я был искренне поражён количеством
работ, хранившихся в ней. Большое пространство оказалось плотно за-
ставленным холстами, этюдами, керамическими скульптурами и при-
чудливо разукрашенными бутылками. Расторгуев показал нам большую
серию работ, которую он совсем недавно выполнил, используя в каче-
стве основы газетные листы стандарта А-3. Эти картины были написа-
ны цветными масляными карандашами. При этом Евгений Анатольевич
прокомментировал.

– Я рисую на газете не ради формального подхода. Газетный лист
даёт рисунку свою мягкость и глубину.

Затем хозяин показал «игру красок» в стандартных пенопластовых
поддонах, в тех самых, в которых обычно в продовольственных мага-
зинах упаковывают всевозможные нарезки, конфеты, фрукты, печенье.

– Поначалу я просто смешивал в этих корытцах краски, а затем уви-
дел, что смешивание в такой форме может выглядеть очень красиво,
необычно и выразительно.

Вот так, как оказалось, из всего, даже из самого бросового материала,
из того, что ежедневно попадает нам в руки, и мы с этим без сожаления
расстаёмся, выбрасываем, истинный художник может сотворить произ-
ведение искусства.

На прощание Евгений Анатольевич подарил нам с о. Владимиром по небольшому своему автопортрету, который сразу по приезду в Нижний Новгород я вставил в рамку и повесил на стену в комнате. А для публикации в ближайшем номере «Вертикали» стал готовить городецкие воспоминания художника, которые затем благополучно вышли в 23-м номере журнала. Вскоре получил письмо из Москвы.

Валерий Викторович!!

Душевное спасибо за публикацию моих воспоминаний. Обложки очень украсились, и всем понравились. (На обложке были воспроизведены работы Евгения Анатольевича «Петрушка с Ангелом» и «Мужик с кошкой» – В.С.) Ещё раз – спасибо за память.

Отцу Владимир прислал мне номер журнала. Он очень мил! Как раз к Новому году. Ещё не читал, но просмотрел, и материалы нашёл интересными.

Владимир Аркадьевич написал, что закончил новый роман, и Вы будете его печатать. О чём он? С интересом будем ждать.

«Выхожу» из болезни – пойду в нашу церковь Воскресения и узнаю, были ли там в книжной лавке новые («Городок» и «Дыхание Вечности») книги о. Владимира. «Русские мальчики» – были. Не спросил – сколько экземпляров. Но разошлись. Думаю, там было немного. Судя по размеру магазинчика.

О. Владимир написал мне, что Вы собираетесь поместить в Вашем журнале материал о Тамаре. После этого я послал отцу Владимиру 3 цветных репродукции. Передал ли он Вам их? Но я прошу материал – не сокращать, т.к. тогда не будет понятно её «открытие» цветного света.

Если Вам нужны сведения, то у меня есть звание – «Заслуженный деятель искусств России», член Союза писателей Москвы. Принимала Друнина за книгу «Записки из Зазеркалья». Заявления я не писал. Просто весь секретариат сам это сделал. И звание «Почётного гражданина гор. Городца и района». О всех трёх званиях я просто никогда не упоминаю.

В Москве есть выставка: Тёрнера из Тейтгалереи Лондона. Очень большое мастерство и эффектность. 50 лет до французских импрессионистов. Затем – купеческий портрет, вызывающий большой интерес, и Пирсманшивили из частных собраний.

Я пытаюсь перебороть болезнь до Нового года. Дай Бог!

Душевно Вам желаю лучшего здоровья и успехов на Вашем таком нужном ТЕПЕРЬ – поприще литературы.

Евгений Расторгуев.

Последний день 2008 года.

И в этот же конверт был вложен подарок – поздравительные открытки с Новым годом и Рождеством, нарисованные на ватмане акварелью самим Евгением Анатольевичем.

С Новым 2009 годом – Валерий Викторович. Вас и семью Вашу, с лучшими пожеланиями и исполнением всех Ваших пожеланий и свершений духовных и человеческих – поздравляет Евгений Расторгуев!

Будьте счастливы и держите «Вертикаль» двумя руками!

Евг. Расторгуев

2008

Дорогой Валерий Викторович!!

Со светлым праздником Рождества Христова!! С новыми начинаниями – сил и здоровья Вам и Вашим близким!!

Зима и то нас радует снегом из Африки, возвращённым к нам!

Вы над Волгой (может) увидите небо в звёздах, а мы здесь... увы, давно уже не видали ни одной. Поэтому вспоминаем – детство и бывшие праздники!

Лучших дней! Евгений Расторгуев. 2008

Удивительно ли, что после этой встречи и такого письма душа моя потянулась к общению с художником. Хотя продолжалось оно всё больше в эпистолярном жанре.

Дорогой Евгений Анатольевич!

Сердечное спасибо Вам за такие тёплые и радостные для меня поздравления с Рождеством Христовым и Новым годом. Взаимно и Вам желаю, Вашим близким и родным бодрости духа, здоровья, благополучия и творческих свершений в 2009 году.

Ваши добрые слова о «Вертикали» мне очень дороги. Созданию журнала и работе над ним я отдал полностью последние восемь лет своей жизни. Согласитесь – срок не маленький. И я как никто другой вижу и наши сильные стороны, и наши ошибки, упущения. Но могу подчеркнуть и другое – издание это, конечно же, личностное, а потому в своих взглядах (пристрастиях) очень откровенное. В нём, как на ладони, видны мои эстетические, нравственные, духовные пристрастия и переживания. На страницах журнала никогда не бывает случайных текстов. Отбирая произведения для «Вертикали», я никогда не кривлю душой. Ведь это всё равно, что обманывать самого себя.

Ваши воспоминания меня просто восхитили. (Кстати, у них нет общего заголовка, и я их в журнале назвал просто, но, как мне кажется, очень точно – «О Тамаре».) О том, чтобы Ваш текст сокращать, у меня и мысли не было. Всё идёт в печать так, как Вы и написали. Репродукции на обложку тоже подобраны.

Что касается Вашей биографии, то она очень нужна. Прошу Вас – посмотрите, как написана биография Олега Шестинского (в № 23, стр. 10) и подготовьте что-то подобное. Текст лучше набрать на компьютере (во избежание каких-либо неточностей при перепечатке с рукописного текста) и выслать мне по эл. почте. Адрес на последней странице журнала.

Подаренный Вами автопортрет (в шляпе) мне вставили в хорошую рамку, и теперь он висит на стене у меня в комнате. Так что я с Вами, можно сказать, вижу её ежедневно. Потому дай Вам Бог здоровья и сил продолжать творить.

С самыми искренними пожеланиями добра

Валерий Сдобняков.

Нижний Новгород

11 января 2009 г.

Здесь необходимо объяснить, о чём в наших письмах идёт речь. Во время той памятной нашей первой встречи Евгений Анатольевич подарил мне и небольшой альбом работ Тамары Петровны Гусевой – своей супруги, тоже заслуженного художника России, ушедшей из жизни в 2002 году. Он сам подготовил его к печати и к тому же написал прощальное вступление. В тот вечер художник много вспоминал о прошлом, о своей жизни в Нижнем Новгороде, о поездках вместе с женой по русскому Северу, из которых они привозили и спасали много древнерусских икон. За что во времена «разгула демократии», в страшные девяностые годы и поплатились. На квартиру художников и на самого Расторгуева было совершено жестокое бандитское нападение. Все ценные иконы были похищены. Слава Богу, что сами хозяева остались живы, хотя до беды было совсем недалеко. Вообще любовь и самые нежные чувства к супруге Евгений Анатольевич пронёс через всю свою жизнь, через страшные военные годы и, как оказалось, до последнего

собственного вдоха. А несколько лет спустя Евгений Анатольевич написал о Тамаре Гусевой большой очерк-воспоминание, который должен был войти в будущую книгу о творчестве любимой женщины. Расторгуев мечтал такую книгу подготовить и издать. К сожалению, сделать этого он не успел. Но именно этот очерк (а это была удивительная по своему состоянию, интереснейшая по содержанию работа) я и решил напечатать в «Вертикали».

20 янв. 2009 года

Дорогой Валерий Викторович!!

Получил Ваше письмо с поздравлением с Новым годом в Крещение. Спасибо за тёплые душевные слова о Тамириной рукописи. Нельзя ли перед ней поставить эпиграфом (в быстроте из неё выпавшем) слова Гегеля.

«Художественная красота выше естественной, так как она – произведение духа». Гегель.

О своём журнале Вы написали – лучше не сказать! Это Ваше душевное (духовное) детище. Я это почувствовал сразу, так как я такой же человек. И выражение моё в искусстве (кому нравится, кому нет) естественное.

Ваш журнал – не на церковном, а на духовном православии. Не на исполнении, а на духовном переживании. Это главное. Помогай Вам Бог и силы природы!

Простите! По первому знакомству я не знал журнала. Хотелось бы (а хочется всегда неисполнимого!!) некоторого шага ещё к Дягилеву. И иногда давать какой-то материал о забытых художниках (а их много!) и даже о выдающихся. И некоторую хронику о театре, литературе, искусстве. Может, всё это есть... и я просто не знаю.

Совсем недавно я через Интернет выписал книгу (и стоило недорого, где-то 350 рублей) о парижской художнице – монахине-иконописце Юлии Николаевне Рейтлингер. Она русская, уехала с отцом Сергием Булгаковым. Училась в Петербурге и в Париже у Мориса Дине (некоторым образом тоже связанным с религией). Вы знаете его росписи для Морозова «История Психеи». Была связана с Григорием Кругом (как бы его учителем), расписала несколько церквей в Париже, Лондоне и Праге. Росписи её и иконы совершенно необычны, впитали наши русские 15 – 16 веков и Византийские, и Европейские новые влияния.

Её очень ценил Булгаков.

По интернету можно выписать её книгу-альбом «Художественное наследие сестры Юлианы». Струве (сын) привёз некоторые росписи – разбитой пражской церкви и они выставлены в фонде Солженицина на Таганке. Я ещё не видел, так как только что узнал, но постараюсь съездить.

Григорий Круг – не знаю, напечатан ли в репродукциях. Хотя в интернете есть его теоретическая работа об иконе. Но я видел слайды его работ – фресок и икон. Это замечательно. Он был связан с Натальей Гончаровой и помогал ей в работе по оформлению «Золотого петушка».

Так же много забытых людей русских 19 – го века. Вот об этом и моя мысль.

Биографию свою (если она Вам нужна) постараюсь написать. Но анкетные данные я не люблю.

В Москве тепло, хотя кое-как выпал снег, и корка тонкая иногда превращается в гололёд. Мне ведь много лет и 23 февраля будет 89. Но я каждый день стараюсь работать – это как лекарство. Хотя боли ходят то тут – то тут и с этим поделаться никак невозможно.

Лучшие чувства Вам и семье Вашей в праздничную неделю!
Евгений.

Я был рад такой горячей заинтересованности художника в сотрудничестве с журналом. Рад, что он откликнулся, что называется, сердцем и потому, не мешкая, написал ответ.

Дорогой Евгений Анатольевич!

Все высказанные Вами в письме предложения – замечательны. Конечно, кое-что мы о художниках печатали и раньше. Писала для нас статьи искусствовед Екатерина Пухова, работавшая в нашем Нижегородском художественном музее. Но после того, как она ушла из жизни, больше авторов по этой теме я найти просто не смог. Предложений от читателей, что эта тема для «Вертикали» необходима, поступало много. Но реализовать её не представлялось возможным. Именно поэтому Вашу работу я воспринял как праздник души. Если у Вас есть ещё материалы, темы, какие-то мысли, которые бы Вы хотели изложить на бумаге, то знайте – «Вертикаль» Ваш родной дом. Страницы журнала – Ваши страницы. Всё, что Вы посчитаете нужным написать о художниках (ушедших или ныне живущих), о труде художника, да и не только об этом, а и на любую тему – всё будет немедленно напечатано с глубочайшим уважением и признательностью к автору.

Вы пишете, что постоянно работаете. Это замечательно. Конечно же, в труде наше спасение. И если ещё получится (дай-то Бог), то я с большим удовольствием посмотрю Ваши работы. В прошлый раз Вы меня в своей мастерской и озадачили, и ошеломили. Я внутренне совершенно не был готов к восприятию Вашего художественного стиля, Вашего образного ряда. Всё увиденное оказалось таким «энергичным», поисковым, что необходимо было время, чтобы в этот образный строй «войти», его принять. Пустых же восхвалений, театральных восклицаний с заламыванием рук я не люблю. Всё это пустое. Да и истинному художнику совершенно не нужно.

Биографическую заметку к Вашей публикации я составил сам на основании Вами присланного материала. Может быть, она не понравится, но уж тут ничего не поделаешь. Цель заметки – коротко представить читателям автора. И только.

Ещё раз спасибо Вам, дорогой Евгений Анатольевич, за столь заинтересованное письмо. Уверен, что Вы ещё не раз выступите на страницах нашего журнала со своими замечательными работами.

Здоровья и благополучия всем Вашим родным и близким.

Храни Вас Бог!

Валерий Сдобняков

Нижний Новгород

27 января 2009 года.

Так в письмах и продолжалось наше общение. Вскоре Евгений Анатольевич прислал мне свою статью о русском художнике Де-Стале, всю основную свою творческую жизнь прожившему во Франции.

Дорогой Валерий Викторович!

Получил Ваше письмо – спасибо!

Я посылаю Вам некоторые размышления о русском художнике де Стале. О нём и в Москве-то мало что знают, а в Нижнем – верно – никто. Может, подойдёт, так напечатайте – кто-то узнает и заинтересуется узнать дальше. Писать могу только о том, что сам видел или встретил человека и им заинтересовался. О де Стале заметки сверх субъективные, в какой-то «литературе искусствоведческой» такой характеристики его нет. Это мои размышления об увиденном на месте. С Достоевским связь показалась, может, сверх субъективно (по фотографиям и по месту). Не понравится – бросьте.

Послал 3 его работы по интернету.

На выставке в Антибе синеморские его полотна висели около (в простенках) окон, а в них «печаталось» море. Залив с кораблями почти двойственно полотнам. Но как живое, а тут живопись в пластике.

Перепечатать текст не могу, т.к. надо «попросить», а это мне и неудобно и долго. Так что извините.

Есть ещё желание написать о русском художнике Степанове. Вы знаете у него картину «Журавли летят» 1891 года. Она была в Третьяковской галерее. Теперь с модерной «перестройкой» её там нет. В Нижегородском музее была (не знаю?) белая лошадка зимой среди берёзового леса. Я когда-то встречался в Италии с его дочерью (она работала гидом по итальянскому ис-ву).

Но пока материала у меня нет. О нём нет также ничего напечатанного. Была у меня совсем маленькая книжечка (советского периода), но куда-то заделал и не могу найти.

Работаю. В Москве мало что есть интересного. О Тамаре (книжку) что-то немного двигается. Были издательские работники, и мы выбрали формат, и они делают раскладку цвета. Пока всё!

Лучших Вам дней!
С пожеланием успехов!
Евгений Расторгуев.
Суббота 14 февраля 2009.

В конверте находилась и статья, написанная на четырёх страницах. Текст рукописный. Почерк автора убористый, плотный. Но когда её начали набирать на компьютере, то оказалось (и это было для меня, исходя из прежних работ Расторгуева, полной неожиданностью), что текст требует очень большой, серьёзной редактуры. Работа по подготовке статьи в ближайший номер затормозилась. За это время Евгений Анатольевич прислал ещё одно письмо, где напоминал о посланном мне тексте.

14 марта 2009 года

Дорогой Валерий Викторович!

Великое Вам спасибо за присыл двух посылок журналов! Т.к. я не знаю, кто это сделал – Вы или отец Владимир, то я и ему послал письмо с благодарностью. Но главный вопрос – напишите, сколько это стоит и куда послать деньги? Я не хочу, чтобы кто-то брал на себя такую обузу.

Я Вам послал текст о русском художнике Николасе де Стале. Если Вас не заинтересует это – то выбросьте. Даже здесь о нём мало кто знает, а в Нижнем, верно, никто. Послал, было, через интернет три фотографии его работ. Но они вернулись, т.к. у Вас был заполнен ящик почтовый.

А сегодня мне сказали, вышли в каком-то издательстве какие-то воспоминания Геннадия Рождественского (дирижёра знаменитого), и у него там есть сколько-то о де Стале. И у него в его собрании (т. к. он собирал и живопись) есть и его работы, купленные где-то в антиквариате Парижа или Ниццы. Даже хотели дать мне прочитать.

Я могу писать только тогда, если я видел сам, или встречался с каким-то фактом или событием.

Есть желание (пока повисшее в воздухе) написать что-то о художнике Степанове. Кстати, в Нижегородском музее есть две его интересные работы. А я в Италии когда-то встречался с его дочерью, которая работала в русской группе гидом по итальянскому искусству.

В Москве сейчас интересного немного. Сегодня меня возили в Пушкинский музей на выставку с громким названием «От Дюрера до Пауля Клее». Но выставка, как оказалось, состояла больше из работ второстепенных художников. И Дюрера из трёх работ одна (более или менее) интересная и две Пауля Клее. Для рекламы и привлечения публики пу-

стили такой громкий анилаг. Были так раздосадованы, что не захотелось идти на выставку иконописи из частных собраний.

Оба журнала (что Вы мне прислали) интересны. Новый роман отца Владимира (куда он пойдёт далее по содержанию?) написан живо и с любовью. (...) Спасибо ему за эту прозу!

Ваши «диалог со временем» – всегда интересен и держит журнал как в скобах – вроде обручей в таре. И многие Ваши мысли мне кажутся близкими. За публикацию о Тамаре – особое спасибо! Может, кто-то из подписавшихся и прочтёт. Верно, в ней обращение больше к художникам. Я готовлю с этим текстом книжку, где будет более 70 репродукций её работ, и этот текст будет более понятен в доказательности. Но за то, что Вы так отнеслись ко мне и к ней, я очень признателен и благодарен. Кто её знал и любил – журнал начали разбирать в первый день, как я их получил.

Издательств сейчас много, и одно из них «Красный пароход» в серии «Московская школа живописи» объявило и о будущем выходе книги обо мне, о моих рисунках и акварелях. Верно (как сейчас все), нужно будет заплатить. Делают они хорошо.

Желаю Вам с семьёй счастливых дней!

Евгений Расторгуев

После этого письма я ответил автору, что его статью непременно печатаем.

Но из-за того, что текст её был трудноват для чтения, то мне начали предлагать и вовсе от статьи отказаться, отказаться от её публикации и сообщить об этом художнику. Но я понимал – возможно, это последняя статья, написанная Расторгуевым (так оно, к сожалению, и вышло) и потому, потратив два дня, я сам набрал её, одновременно и осторожно внося в текст литературную правку.

Но перед этим пришло ещё одно письмо от Евгения Анатольевича. Вообще на каждой странице его письма, в левом углу, всегда была отпечатана фотография или его ушедшей супруги, или такой-то из его работ. Это был такой фирменный расторгуевский знак. На этот раз в углу листа красовалась фотография самого Евгения Анатольевича у статуи Родена в Париже. Художник как бы выглядывал из-за неё. Но выглядывал, как мне показалось, с вызовом.

Это я у Родена в Париже

Со всеми весенними праздниками –
Пасхой и 1-м Маем!
Здоровья и счастья в работе!

Дорогой Валерий Викторович!

Простите, что задержал ответ на Ваше письмо. Человек, что хотел мне выписать из воспоминаний Геннадия Рождественского (дирижёра) о Николае де Стале, до сих пор всё проволынил, а я хотел послать Вам его отзыв, т. к. у него есть работы де Сталю.

О правках – ради Бога, делайте, что хотите. Присылать мне не надо. Моя забота была в том, чтобы нижегородцы узнали ещё одного нового для них русского художника. (Печатать что-то о заграничных из серебряного века стало модно.) О его достоевщине – это мои домыслы. Ни в какой литературе этого нет. Это субъективно. Так мне показалось. Важно только, чтобы не исчезла морскость, набережная Антиба, где в охристом доме была его последняя мастерская, и паранет с каменным откосом к морю, с которого он и покончил с жизнью.

Он сейчас (по разным странам) очень известен и стоит дорого. Много напечатано, но не у нас.

Я когда-то публиковал небольшую заметку о нём в журнале «Юный художник», т. к. в нём было и что-то детское.

Потребую ещё раз послать Вам его работы для репродукций. Если не подойдёт – то выбросьте. Не берите близко к душе.

Сейчас в Москву привезли из Флоренции один (на другие – нет денег!) портрет Тициана. Он известен. Это «Молодой человек с перчаткой». Выставлен он в Пушкинском. Я его, верно, не видал.

Другие страны – Америка, Франция и т. д. делают ретроспекцию художников с прекрасными каталогами, а наша Антонова (директор Пуш.) говорит, что лучше (почему?) выставить один портрет. Хотя просто у неё (и у нас) нет денег. Искусство для нас под галочку. Даже на то малое, что нам дают, народ валит валом.

Новая книга отца Владимира по накалу хороша. Написана светло. Вышла ли она отдельной книгой? В отрывке читать сложно. Я принимаю усилия к Тамариной книге. Хотя цвето-пробы идут с трудом. Чтоб добиться близости к оригиналу (в настроении, а не в качестве). Да одно из-во объявило (и начало!) о моей книге «Человек духа». Хотя сейчас – это дорого.

В Городец, вероятно, я поеду с Людой на одну неделю. Они тянут с выставкой (хотя мне это тяжело).

Всего самого лучшего в жизни!

Спасибо за все Ваши усилия!

Евгений.
Апрель 2009.

Когда моя работа по подготовке статьи была завершена, я, несмотря на предупреждение Расторгуева о не обязательности согласования с ним подготовленного к публикации текста, всё-таки отправил его для прочтения и утверждения Евгению Анатольевичу.

Дорогой Евгений Анатольевич!

Посылаю Вам набранную статью. Наверняка, в ней куча ошибок. Особенно в именах, фамилиях и названиях городов. (Текст был всё-таки очень неразборчивым. В.С.) Прочитайте, пожалуйста, весь текст внимательно. Всё, что сочтёте нужным исправить, уточнить, дополнить – всё внесите в статью. Затем с Вашими пометками вышлите этот текст опять мне, чтобы я вновь отдал его наборщице.

Мне кажется, что статья Ваша получилась интересной. Во всяком случае, ничего похожего у нас пока ещё не было.

Вообще понимание современного искусства требует от человека каких-то особенных усилий. Происходит это, видимо, оттого, что это искусство, а живопись в особенности, несут в себе слишком большой элемент условности. Эмоциональное восприятие абстракции понижается отсутствием внешне понятных, зрительных раздражителей. Понимание и восприятие такой живописи в первую очередь идёт всё-таки от ума. Так мне кажется.

Со светлыми Вас, Евгений Анатольевич, Пасхальными праздниками.
С глубоким уважением и признательностью

Валерий Сдобняков
Нижний Новгород
19 апреля 2009 г.

Видимо, «чужая рука» в его тексте художнику не совсем пришлась по вкусу. Во всяком случае, так мне показалось из ответного письма. В нём Расторгуев и с моими взглядами на абстрактное искусство не согласился. Зато к письму прилагалась большая выписка из книги Геннадия Рождественского.

Дорогой Валерий Викторович! Получил Ваше письмо с гранками. Исправил довольно много и по неправильности названий и исправления самого текста. Пошлём по интернету, дойдёт лучше.

Вы пишете, что современное ис-во требует особенных усилий. А музыка? Конечно, нужны знания. Но пластические искусства в своей древней части – абстрактные. Но не «пошлой» абстракцией, что занимают бездарные художники-подражатели, а – образной, духовной. И древние наскальные образы, и египетские росписи, и икона наша, и Сезанн (на которого всегда ссылаются – не понимая его – искусствоведы), везде абстрактная форма. Я как-то недавно смотрел в Андронниковом монастыре иконы 15 века, так там у Спаса рука так сложно (архитектурно) сложена из необычных форм, что одно это изображение может открыть многие законы искусства. И это не от ума, а от Духа, чтобы вознести этого человека-Бога до необычных высот Вселенной. Это не пухленькая ручка у Патриарха, а рука, как египетский монумент, сложенный тысячами людей, их сложенными восторгам. А примитивно: когда кто-то сказал Пикассо, что он не понимает его живописи. Пикассо его спросил: «А вы знаете японский язык, можете прочесть на нём книгу? Так вот – сначала надо научиться японскому (сложному) языку иероглифов».

В основе всего хорошего ис-ва заложена абстрактная форма, и её интересно (увидеть или прочесть) и у Тициана, и у Эль Греко, и у Веласкеса. Она то выходит на поверхность у некоторых художников, но скрыта под последующим мастерством и зрителю бывает трудно её вычленишь. В то же время художник (и то не каждый) её может увидеть. А ум тут мало играет – больше эмоции, и иногда художник сам не узнаёт своих работ впоследствии. Говорят – он движется!

О де Стале я написал Вам нарочно (мог бы и о другом художнике написать), но знал, что в Нижнем о нём даже сведущие ничего не знают и работ не видели. Так пусть хоть «эхо» прозвучит где-то в воздухе. Может, кого-то подвигнет узнать.

Отзыв о нём Геннадия Рождественского (дирижёра) – человек, который собирался принести мне, вчера заволынил, сказал, что он у него в машине. Если принесёт – я Вам его переishлю. Могу ещё написать небольшие очерки о некоторых западных художниках (Ренуаре и прочих), т. к. нижегородцы не были в их домах иль мастерских и не могут представить воочию о месте, где они жили и работали. О русских (о Степанове) тем более, что две его замечательные работы есть в Нижегородском музее. Материала о нём также мало.

Валерий Викторович! У меня в Городце (они меня тянут, а я стар и немощен!) будет 15 мая выставка в их зале. 6 мая они приедут за работами. Т. к. у Вас есть отдел хроники, то, может, Вы и разместите какой-то отзыв. Можете написать сами, иль напишут кто-то из нижегородцев. Там есть, кто ко мне относится сносно.

2-3 работы де Сталя я переishлю.

С праздником весенним 1 мая!!

С Пасхальными днями – ещё раз.

Самого хорошего в Вашей жизни.

С уважением! Евгений Расторгуев.

Городецкий.

Это письмо требовало с моей стороны буквально незамедлительного ответа. Но как это часто бывает – вначале захотелось продумать концепцию своего письма, чтобы оно в представленных доводах было осно-

вательным, а затем и полемический пыл как-то сам собой поутих, угас. Да к тому же разные писательские-издательские хлопоты поднавалились будто специально, и потому ответить Расторгуеву я смог лишь спустя месяц.

Дорогой Евгений Анатольевич!

Простите великодушно, что не сразу ответил Вам на столь интересное и содержательное письмо. Всё какая-то суета одолела – сначала плавал (ходил) по Волге до Ярославля. Затем пришлось на несколько дней съездить в Москву. По возвращении уехал на неделю в деревню – весна, всякие хозяйственные хлопоты. Теперь же опять на неделю улетаю на Алтай. Но с ответом решил больше не тянуть – все сроки приличия уже минули.

К сожалению, не смог попасть на открытие Вашей выставки в Городец. Но отец Владимир мне рассказал, что всё прошло очень хорошо и интересно. Материал об этом событии в «нашей хронике» мы обязательно дадим.

Относительно Ваших размышлений об абстрактной живописи... Я не единожды перечитал письмо и пришёл к заключению, что его просто необходимо поместить в конце Вашей статьи. Может быть, даже именно как ответ на мою реплику. Всё это очень оживит публикацию статьи о де Стале. Придаст ей темперамент, даже некоторый нерв. К сожалению, исправленный Вами вариант я так и не получил. Может быть, что-то с нашей эл. почтой.

Если получится продолжить эту тему следующими статьями-воспоминаниями, статьями-впечатлениями, статьями-размышлениями, то это окажется очень интересным для читателей.

Книгу Рождественского, из которой Вы мне прислали выписку, я стараюсь разыскать.

Ещё раз огромное спасибо и за письмо, и за понимание задач нашего издания.

С глубоким уважением и с самыми искренними пожеланиями здоровья и творчества.

Валерий Сдобняков

Нижний Новгород

1 июня 2009 г.

Публикация статьи в «Вертикали» состоялась (№ 26, 2009). И конечно, нашлись люди в Нижнем Новгороде, которые были знакомы с творчеством Николаса де Сталя. Обложки журнала украсили две яркие, живописные, колоритные работы художника – «Морина» (1954 г.) и «Гора Святая Виктория» (1954 г.). Ну а вообще нам только однажды было суждено ещё повидаться с Евгением Анатольевичем. Произошло это опять же у него дома. Тогда я и сделал несколько снимков с Расторгуевым.

Очень жалею, что не смог приехать на его юбилейную выставку в Городец, которую устроил город в честь 90-летнего юбилея своего почётного гражданина. На неё от имени художника я был зван его дочерью. Но не случилось.

Сейчас власти Нижегородской губернии мечтают превратить Городец чуть ли не в центр туризма в России. Конечно – маниловщина, несбыточные мечты. Хотя бы потому, что собираются они это делать с помощью музея самоваров, города мастеров и прочим дубком «а ля старина». Нечто подобным забиты все поволжские города. Истинный же художественный бриллиант – собрание картин замечательного русского художника Е.А. Расторгуева – ими навряд ли будет востребован. А ведь это был бы, как сейчас принято говорить, абсолютно эксклюзивный музей. Уверен, полотна художника были бы не только для туристов, но и для всех тех, кто интересуется русской культурой, русской живописью, изобразительным искусством, скульптурой, намного притягательнее, чем

выставленные в витрине стоптанные лапти или начищенные до блеска самовары. Впрочем, это уже отступление от темы и не для того я взялся писать эти прощальные строки.

Последнее письмо Евгений Анатольевич прислал мне на исходе лета.

Уже август. 12-е. 2009.

Дорогой Валерий Викторович! Я очень благодарен Вам за публикацию Николаса де Сталя. И за хлопоты по присылке журнала и книжки стихов. Художник он интересный. (...) Да даже не важно – эссе обстоятельное или нет. Это как «гвоздь». Может застрять у кого-нибудь, и будут знать или искать даже обстоятельную публикацию.

Нужно всегда любопытство к неизвестному.

В Городце, когда мне было мало лет (десять, одиннадцать), я собирал вырезки, тогда только из газет, иногда с полутуманной серой репродукцией, и наклеивал в амбарную книгу, где значились сахар, мука и бечёвка, и пакля и другие товары. Как-то, копаясь на чердаке, среди отцовских книг и журналов в одном из них я обнаружил (меньше моей) статейку о художнике Франке Бренгвине (кстати, тогда даже искусствовед, который был у меня, его не знал). Статья была без репродукций и описаний. Была одна его картина «Морские разбойники», но по описанию я вообразил её. Года через два меня повезли в Москву к дяде, и он повёл меня в музей западной живописи на Пречистенке. И там я обнаружил три его работы – «Алжирские базары», кстати, одна из них и сейчас находится в Пушкинском музее в отделе импрессионистов, а две другие в Эрмитаже. Но мальчишеское любопытство было не удовлетворено, не было «Морских разбойников». И только когда в 30-х годах вышла о нём монография, я увидел, что я вообразил почти верно. Напоминала она (вроде) суриковского Разина – так же громадная лодка с парусом движется по синей реке на фоне освещённого жёлто-оранжевого Алжира. В живописных позах стоят и лежат так называемые «разбойники» – один на корме с повязкой на голове, как я и вообразил. А фамилия как гвоздь застряла во мне. Также я открыл для себя художника Зефирова, но этот был с газетной картинкой – «Инспектор по качеству». Мужик в картузе держит в руках колосок ржи. На груди у него, как медаль, большая эмблема с надписью по кругу – «инспектор по качеству». Потом я познакомился с его сыном – тоже художником, и был у них дома. Его уже давно не было, а учился он когда-то в Мюнхене вместе с Грабарём и другими. Также я открыл для себя (неразборчиво В.С.), и странную фамилию Тышлер (столяр). Вот, может быть, также (хотя времена и люди сейчас другие) кто-то заинтересуется и судьбой де Сталя.

Простите, написал, может, и не интересно, но хотелось поблагодарить.

Самого лучшего.

Евгений Расторгуев.

Евгения Анатольевича Расторгуева не стало в ноябре 2009 года.

Слишком коротким был срок нашего знакомства. И в то же время слишком яркую память оставил он о себе. Расторгуев был личностью совершенно незаурядной, художником яркого и самобытного таланта, темперамента, интеллектуального поиска. Он ушёл, прожив долгую жизнь, которая вместила в себя и учёбу в Горьковском художественном училище, и Великую Отечественную войну, в которой он участвовал с 1941 по 1945 годы, и окончание института имени В.И. Сурикова, и большое признание его художественного таланта, и путешествия по СССР и Европе, и выставки во многих странах мира. Что ни говори, а это счастливая судьба для творца. Но главное достижение Расторгуева – он создал свой, совершенно неповторимый, уникальный художественный мир. Произведения Евгения Анатольевича находятся в самых престижных музеях – Государственном

Русском музее, в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном музее декоративно-прикладного искусства, во многих областных и республиканских художественных музеях России, в музеях и галереях Франции, Германии, США и в частных коллекциях по всему миру.

*Я плачу по ночам...
Днём
Жалость уходит облаками.
Но к вечеру, как пред грозой,
запрудою невысказанных слов,
жизнь,
бабочкой летящей на свечу,
сгорает...
Так растворилась ты
среди ночных теней...
Я плачу по ночам
в бессилье отыскать
шаги твои
по мартовским
снегам
в осколках душных снов,
среди слов
непроизнесённых...*

Прощайте, Евгений Анатольевич. Прощайте...

Ноябрь 2010 г.